

СОВРЕМЕННЫЙ
РОССИЙСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

ПАВЕЛ
АСТАХОВ

КВАРТИРА

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А91

Астахов, Павел Алексеевич.
А91 Квартира / Павел Астахов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с.

ISBN 978-5-04-089535-9

Квартира в России — больше чем жилье. Она олицетворяет дом, семью, благополучие, жизнь... Но слишком часто квартира превращается в яблоко раздора, становится средством наживы и причиной тяжких преступлений. Коварные риелторы, циничные девелоперы, алчные чиновники не замечают простых людей, попирают законы, презируют человеческие понятия. Ради денег они не пожалеют и родного отца. Тем более легко они перешагивают через жизнь отца главного героя адвоката Павлова, помешавшего их амбициозным планам. Павлов-старший становится жертвой наемных киллеров из-за квартиры в центре Москвы, где стоимость жилой площади давно пересчитывают на квадратные миллиметры.

Расследуя убийство отца, адвокат Артем Павлов убеждается, что не так страшен сам киллер, как его хозяева и политики, покрывающие строительных воров, помогающие надуть «финансовый пузырь» и лоббирующие антинародные законы. Он снова ввязывается в жесточайшую схватку с коррупцией, предательством, беззаконием, рискуя потерять и квартиру отца, и доверие обманутых соинвесторов жилья, и собственную жизнь. Никогда еще так остро и опасно не вставал квартирный вопрос в жизни Артема Павлова.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089535-9

© Астахов П., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Люди как люди... квартирный
вопрос только испортил их...

М. Булгаков.
«Мастер и Маргарита»

Каждый имеет право на жилище.
Конституция РФ.
Статья 40

Хулиган

За окном вечерней электрички виднелась полуфантастическая картина. Остановившаяся стройка нового элитного, как принято обзывать в рекламных приманках, района бледнела в сумерках московской зимы. Огромные котлованы, присыпанные грязным снегом, жадно разевали свои пасти. Одинокие краны подпирали черное низкое небо, изредка вспыхивая красными противолодочными маячками, что еще больше придавало апокалиптичности всему пейзажу. Тысячи, а возможно, и миллионы непостроенных квадратных метров, оплаченных по всевозможным кривым и серым схемам, так и не дождались своих хозяев.

Андрей Андреевич Павлов присел на пустую лавку и грустно вздохнул: пейзаж казался точной аллегорией всего, что происходит со страной.

— Эй, мужчина, закурить не найдется? — вывел его из размышлений грубый голос.

Андрей Андреевич машинально оглядел автора вопроса: лысый, угрюмый, в шрамах. Глаза бегают, нос перебит. Коренастый, чуть выше среднего роста, крупный. Вязаная черная шапка сдвинута набок. Грубые ботинки на ногах, перчатки на руках. Одна рука спрятана за пазухой. Что-то держит под курткой. Павлов сунул руку в карман.

— Извините, не курю. Могу вам предложить леденцы. Помогает.

Андрей Андреевич протянул блестящую конфетку незнакомцу. Тот задумчиво принял подарочек и явно растерялся. Мгновение что-то прикидывал, примеряясь к пассажиру, и неожиданно с дикой силой швырнул конфету в дальний конец вагона. Электричка издала свисток и тронулась от перрона, а грубиян двинулся на Павлова.

— Издеваешься?! Слышь, ты, петух гамбургский, пойдём-ка выйдем. — Он схватил пассажира за рукав и с силой дернул на себя.

На удивление, пожилой человек не оказал никакого сопротивления, а, наоборот, легко подскочил и сам нырнул по направлению рывка. Не рассчитав силу своего приема, грубиян оступился, выругался и, охнув, споткнувшись о лавку, повалился назад на пол. Не успел он перевести сбитое падением дыхание, как над ним уже стоял Андрей Андреевич.

— Напрасно вы так горячитесь, молодой человек. Так можно и расшибиться, — покачал он головой и протянул руку. — Держите! Вставайте! — Тут же без труда помог попутчику подняться и внимательно посмотрел ему в глаза. — Я вам не советую грубить и затевать ссору в общественном транспорте. Во-первых, это может быть расценено как хулиганство, то есть грубое неуважение к общественному порядку. А это преступление. До пяти лет лишения свободы. Во-вторых, вы можете напасть на человека, владеющего спецподготовкой, и серьезно покалечиться. В-третьих, в поездах полно милиции в штатском и вас могут задержать. Ну а в-четвертых, зачем вам все эти проблемы?

Андрей Андреевич не отводил глаз от мутного и тяжело-го взгляда попутчика. В пустом вагоне, кроме них двоих, сидели еще два подростка, увлеченно игравшие в какую-то электронную игрушку, да дремлющий бомж на одиночном сиденье под стоп-краном. Андрей Андреевич и сам сел в последний вагон, потому что именно от него лежал самый короткий путь к дачному участку, где его ждал теплый ужин и

КВАРТИРА

верная жена Василиса Георгиевна. Да, сегодня он задержался в городе дольше обычного, но вполне успевал к позднему чаю.

Лысый закричал, потер ушибленный локоть, немного подумал и вновь навис над пенсионером.

— Очень умный? А если так?

Из-за отворота куртки показался и блеснул в желтом свете вагонных фонарей нож. Обычный складной нож с длинным тонким лезвием. Лысый провел им по воздуху слева направо и обратно и ощерил кривые поломанные зубы.

— Хороший нож, — неожиданно похвалил Павлов, с интересом разглядывая орудие лысого попутчика. — Наверное, очень удобно карандашик поточить, колбаски нарезать... Я в детстве мечтал, чтобы под рукой был такой же. Все мальчишки любят острые предметы. Оружие. Ножи. Правда?

Он подмигнул и хитро улыбнулся, а лысый напрягся. Он не понимал, к чему ведет этот старик. А старик неожиданно резко повернул голову влево, словно кто-то его окликнул, и призывно махнул рукой кому-то, находящемуся за спиной оппонента. И, конечно же, лысый оглянулся. На миг.

Этого времени вполне хватило Андрею Андреевичу, чтобы резко ударить ребром ладони по пальцам оппонента и, всем своим весом навалившись на запястье, вывернуть его и вырвать нож. Тот, звякнув, упал на пол, мужчина зарычал от боли и злости, а Павлов размахнулся ногой и коленом саданул его в грудь.

— О-ох! — согнулся от боли агрессор.

Пенсионер тут же завернул руку мужчины назад — до противного хруста в суставе, и тот взвыл и, подчиняясь боли, повалился на лавку.

Андрей Андреевич ловко вытянул поясной ремень и, накинув его на шею поверженного громилы, завел под его выверну-

тую правую руку. Затянул ремень петлей и свободным концом, завязав его узлом, аккуратно и точно зафиксировал.

Электричка тем временем замедлила ход, и Павлов посмотрел в окно.

«Кажется, «Кунцевская»...»

Остановки в черте города частые, расстояния между платформами и станциями короткие, так что риск не успеть на последнюю электричку до Звенигорода был преизрядный. Но оставлять агрессивного попутчика наедине с мирными, хотя и редкими пассажирами было нежелательно, и Андрей Андреевич решил довести разговор до логического завершения.

— Я тебя предупреждал. Ты не понял. Извини. Придет-ся закончить вечер в милиции. Вставай!

Он поднял с пола выпавший у бандита нож и зафиксировал лезвие под подбородком громилы. Держать нож левой рукой было неудобно, но важнее было следить за завернутой кистью противника. Правой рукой, не выпуская свой портфельчик, пенсионер уцепился за только что построенную связку «рука — ремень — шея» и слегка ткнул недруга коленом под зад:

— Шагай!

Поезд остановился, двери с шипением раскрылись, и первые десять шагов по вагону они проделали след в след. И лишь в тамбуре их встретили еще два припозднившихся пассажира. Вполне приличного вида, хотя и без признаков высокого интеллекта на лицах. Они удивленно и даже испуганно глядели на старика и его пленника, и Павлов кивнул:

— Добрый вечер. Ребята, помогите этого отконвоировать. Хулиганит. Ножом машет. Здесь милиция недалеко. Подержите его с боков, а то мне неудобно спуститься.

Мужчины кивнули и молча подхватили лысого. Андрей Андреевич благодарно улыбнулся. Он видел, что теперь-то на последнюю электричку вполне успевает.

НОЧНОЙ ЗВОНОК

Пронзительный звонок разрывал ночную тишину.

— Господи! Ну кого несет ни свет ни заря?

Адвокат Артем Павлов, прогоняя остатки тяжелого зимнего сна, разлепил затекшие глаза и попытался рассмотреть свои наручные часы, вместо того чтобы прекратить мучения телефонного аппарата. Наконец он отложил свой хронометр, так и не поняв, то ли пятнадцать минут оставалось до трех, то ли прошло после девяти, добрался и до звонящей трубки:

— Алло. Слушаю вас...

— Але, сынуля! Это мама!

— Мама? Что такое?

— Что-то случилось с отцом! Он не пришел вечером с работы. Пропал куда-то.

— С отцом? А где он был? Звонил вообще? — Артем, прижимая плечом к уху трубку, натянул брюки и рубашку.

Пунктуальный папа не только никогда никуда не опаздывал, но и предупреждал о любых отклонениях в своем ежедневном рабочем маршруте. Нехорошие предчувствия одолевали все больше и больше, а мама, не переставая, причитала:

— Ой, не к добру все это, сынок. Я накануне сон плохой видела. Ой, не к добру.

— Мама! Прекрати про свои сны! — не выдержав, одернул ее Артем, но тут же смягчил тон: — Мамуля, не волнуйся. Все будет хорошо, сейчас разберемся. Жди на телефоне, — он уже набирал — параллельно — телефон дежурного по городу.

— Дежурный, полковник Малахов, слушаю вас.

— Товарищ полковник, добрый ве... в смысле, доброе утро! Вас беспокоит Павлов Артем Андреевич, адвокат.

— Здравия желаю. Чем можем помочь в столь ранний час?

Полковник явно был настроен доброжелательно, и Артем не стал терять времени.

— Понимаете, странная ситуация... Личная. Мой отец, Андрей Андреевич Павлов, сегодня, то есть уже вчера, не вернулся домой.

— Хм. Понятно. А откуда?

— Он должен был приехать с работы. Работает в районе проспекта Мира. На «Рижской». Проживает за городом...

— Может, тогда лучше с областным ГУВД переговорить? — неуверенно предложил дежурный, но адвокат тут же перебил:

— Нет-нет! В том-то и дело, что за городом, но в Москве. Это поселок с московской юрисдикцией. Городского подчинения. Понимаете?

— Угу, — грустно ответил полковник, потерявший надежду спихнуть это явно обещающее быть проблемным исчезновение отца известного юриста. — Давайте приметы.

— Тридцать второго года рождения, но выглядит лет на десять моложе. Седой, рост сто семьдесят пять. На правой щеке, ближе к носу, родимое пятно размером и формой с сушеную горошину. На подбородке в самом низу косой шрам длиной два сантиметра. Так, еще. На левом ухе возле слухового отверстия небольшой вырост, примерно на пять миллиметров. Это остатки от операции в детстве по удалению так называемой серьги. Что еще?

— Да уже достаточно, господин адвокат, — остановил Павлова полковник, — кажется, уже нашли вашего отца... — Он сделал паузу, вздохнул и неуверенно добавил: — Вы только не волнуйтесь; возможно, здесь ошибка, но человек с похожими приметамися ночью доставлен в третий городской морг.

Ступенька

Все произошло быстро и совершенно неожиданно. Едва Андрей Андреевич передал хулигана пассажирам, протиснулся вперед и занес ногу, чтобы шагнуть следом, лысый вдруг освободился от объятий «конвоя» и резко махнул свободной левой рукой. Стальной кулак, затянутый в кожаную перчатку, впечатался в висок старика.

От резкого, неожиданного и очень сильного удара Андрея Андреевича развернуло, он потерял равновесие, уронил изъятый нож и, беспомощно лоя руками потерянный баланс, полетел навзничь вниз с подножки электропоезда.

— Да что ж ты?! — только и успел возмущенно крикнуть он.

ХХРРРЯПС!!! — с жутким хрустом Андрей Андреевич ткнулся головой в обледенелую землю, — последний вагон остановился в том месте, где короткая платформа уже закончилась.

— Готов, Захар. Ноги!

Лысого тянули в сторону четыре руки его подельников, которые все это время ожидали в тамбуре и так неожиданно подключились в самый последний момент. Но Захар не спешил, а завороженно смотрел на открытые глаза старика.

«Зачем? — ясно читалось в застывшем удивленном и негодующем взгляде лежащего пассажира. — Ради чего?..»

— Захар! Захар!!! Валим отсюда. Ты чего залип? Ноги!! Менты! Вон идут вдоль перрона! — Его с силой поволокли от лежащего на земле Павлова.

Лысый, оттолкнул дружков, высвободил руку, отшвырнул ремень в сторону и наклонился к земле. Подобрал нож. Аккуратно сложил его и сунул в карман. Развернулся и пошел в темноту. А перед глазами Андрея Андреевича вдруг пронеслась вся его жизнь: детский концлагерь, холодная и голодная, но счастливая послевоенная Москва, учеба по че-

тырнадцать часов каждый день, МИД и годы тяжелой кропотливой работы, ревниво отбирающей тебя даже у собственной семьи. Он увидел и заново пережил каждый миг бытия — до самого последнего, на выходе из ночной электрички. А главное, он откуда-то знал, что умер.

«И что дальше?»

Многие годы безверия не позволяли Андрею Андреевичу ни бояться ада, ни рассчитывать на райские кущи. Но какое-то новое чувство уже подсказывало ему, что все только начинается.

Опознание

Профессия накладывает свои требования на каждого специалиста: хирург должен оперировать тяжелообольного человека, спасатель — доставать застрявшего в вентиляционной шахте сорванца, а адвокат — участвовать вместе со своим подзащитным в опознании. И все эти люди почти «на автомате» и достаточно качественно исполняют свою функцию — до тех пор, пока эта ситуация не касается их лично. Артем, десятки раз проходивший через процедуру опознания и инструктировавший своих клиентов, как себя вести и на что обращать внимание, сегодня совершенно растерялся. Он быстро приехал в указанный дежурным по ГУВД морг, а теперь в ужасе и полном замешательстве стоял перед телом отца. В том, что на вывезенной каталке лежал именно А. А. Павлов, не было никаких сомнений. Сомнения были в том, что все происходящее не кошмарный сон, а жестокая явь.

— М-м-м...

Врач-патологоанатом уже минут десять переминался с ноги на ногу, не смея потревожить молчащего адвоката. Он погрозил кулаком двум медсестрам, которые выглядывали из-за двери, перешептываясь и указывая на Павлова. Дев-

КВАРТИРА

чонки давно привыкли к постоянному соседству со смертью и не замечали ее, а вот захавшая знаменитость — это было целое событие. Врач кашлянул:

— Э-э, Артемий Андреевич, с вами все в порядке?

— Что? Да, в общем. — Павлов потер виски и сам накрыл лицо отца белой простыней. Андрей Андреевич лежал спокойно и, казалось, ненадолго заснул. Умиротворенный седовласый старик с точеным профилем. Смушал только небольшой кровоподтек на правом виске.

— Прости, папа! Как это произошло? — Артем повернулся к врачу.

Тот покачал головой:

— Сразу сказать сложно. Но, по всей видимости, падение. Неудачно шагнул с подножки электрички.

— Вы уверены?

— Ну, практически. Следов борьбы не видно. Падение с высоты собственного тела. Мы, конечно, еще не все исследования провели. Но, как говорится, расстрелянный вряд ли был отравлен. Хотя... — врач почесал переносицу, — всякое бывает.

— В любом случае я попрошу вас еще раз тщательно все проверить, — посмотрел ему в глаза Артем, а затем развернулся и вышел.

Ремонт

Родной подъезд встретил пережившего и морг, и разговор с мамой смертельно уставшего Артема Павлова грохотом, руганью и режущей нервной атмосферой. Даже его тихая, интеллигентная соседка, вдова архитектора Штольца, пожилая дама и скульптор по профессии, словно заразилась всеобщим психозом.

— Где же это видано, чтобы под зиму батареи менять?! Вы совсем ополоумели, что ли?! — кричала Варвара Сера-

фимовна Штольц, пытаюсь не пропустить двух мрачных работяг, тащивших трубу и сварочный аппарат в подъезд дома.

— Уйди, тетка! Зашибем! — угрожающе проворчал один, направляя на воинственную даму ствол ржавой трубы, а второй замахнулся автогеном:

— У-у-у! За-ра-за!

Но опустить руку с инструментом он не смог. Артем, словно стальными тисками, сжал руку. Сварщик охнул и осел прямо на землю.

— Ой! За-ра-за какая! Больно же.

— Вы аккуратнее размахивайте этим железом.

Сварщик поднял взбешенный взгляд и поперхнулся. Не менее яростные глаза молодого мужчины спортивного телосложения не обещали ничего хорошего. Варвара Серафимовна благодарно склонилась в реверансе:

— О! Мерси, месье Павлов! Большое спасибо!

Павлов через силу улыбнулся.

— Не стоит благодарности, Варвара Серафимовна. А что, собственно говоря, происходит в нашем доме?

— Представьте себе, Артемий Андреевич, я вернулась из Флоренции, а в квартире — настоящая Сибирь! Эти варвары отключили отопление! — вознегодовала дама. — Кошмар! Я не могу ваять. Глина застывает, руки мерзнут.

Павлов понимающе кивнул. Мадам Штольц, прожившая полгода в Италии у друзей семьи, совсем отвыкла от отечественных реалий. Домой она вернулась позавчера, и лишь затем, чтобы наконец завершить задуманную еще в молодости композицию «Новое и старое». А в квартире, как оказалось, нет тепла!

— Так. Товарищи творцы... — Павлов повернулся к злобно озирающимся рабочим. — Кто отдал распоряжение? Где письменное решение? Почему не уведомили жильцов? Где объявление? Кто начальник? Сроки ремонта?

Засыпанные вопросами адвоката-жильца работяги сопели и не могли сказать ничего членораздельного:

КВАРТИРА

— Ну... э-э-э, э-это... как его.... Э-э-э... ы-ы-ы... ну это... Митрич, кажись, распорядился...

— Так, так. Уже теплее. Хоть ясно, с кого спрашивать. И где же его найти?

— А вона он бежит, — махнул все еще потирающий руку сварщик.

Павлов пригляделся. По противоположной стороне переулка очень быстро шагал маленький колобок. Он смешно переваливался и непрерывно обтирал лицо большим носовым платком. Приблизившись к группе на крыльце и догадавшись, что налицо конфликт, он тут же ненатурально улыбнулся.

— Прошу прощения. Добренький денек! Что случилось? Господин Павлов, если не ошибаюсь?

Павлов молча кивнул.

— А я Жучков. Можно просто Сан Митрич. Чем могу служить?

Он так быстро и так невинно заморгал своими лазурно-голубыми глазами с белыми ресницами-пушинками, что Артем не выдержал, усмехнулся.

«Прямо ангелочек какой-то...»

— Вот ваши работнички учинили безобразие, — слегка пародируя собеседника, ответил он, — мешают жильцам. Нарушают конституционное право на отдых, здоровье и безопасность.

— Именно! Заморозили весь дом! Безобразие... — почувствовав подкрепление, вступила в дискуссию соседка, — я пойду в рай... в райсвет... в райсовет! Найду на вас управу.

Жучков заволновался, глазки забегали, а реснички заморгали еще быстрее.

— Ай-ай-яй! Не беспокойтесь, уважаемые! Не беспокойтесь. Сейчас разберусь, и быстренько наведем порядочек, — он показал свой кругленький кулачок слесарям. —